

"КАРНАВАЛ ИСТОРИИ" В ИЗОБРАЖЕНИИ И.БУНИНА И М.БУЛГАКОВА

Доклад обращен к рассмотрению той особой точки зрения, той "пристрастности", с которой оценивали последствия русской революции художники, не принявшие ее, - И.Бунин и М.Булгаков. Материалом послужили их произведения и дневники.

Уже в "Окаянных днях" и "Белой гвардии" поражает то очевидное концептуальное сходство позиций, которое повлекло за собой и эстетическое сближение этих, как оказывается, не таких уж разных писателей.

Революционный слом в судьбе России оценивается ими как "крушение дома" и интерпретируется с помощью языка карнавала: "В тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой" ("Окаянные дни"). Этот "пир на весь мир", неумная веселость, когда бесконечные "списки расстрелянных" в порядке проведения в жизнь красного террора" легковесно соседствуют со "статейками": "Весело и радостно в клубе имени товарища Троцкого..." - наводят Бунина на мысль об исторической дьяволиаде: "жутко", "мистически жутко", "нечто чудовищное", "адский секрет большевиков", "дьявольски однообразны все эти клоунские штучки", - будет писать он, а Булгаков в своем первом романе и в рассказах начала двадцатых годов развернет картину мистического карнавала.

Парадоксальное остранение вещей и явлений, странное смешение всего со всем как следствие разрушенности норм людского общежития и ошарашивающего обеспечения человеческой жизни представлено этими художниками и в тоне ядовитого публицистического слова, и в стиле театрализованной зрелищности, открывающей апокалиптическую трагедийность и фарсовую расхристанность новой реальности. "Кровавой игрой в перемену местами" называет Бунин революцию, - игрой, в результате которой народ "всегда в конце концов попадает из огня да в полымя".

Одной из самых отличительных черт революции, по его мнению, является *"бешеная жажда игры, лицедейства, по-*

зы, балагана", когда в человеке *"просыпается обезьяна"*. Бунин фиксирует в "Окаянных днях" увиденное, а Булгаков представляет в художественных сюжетах "Белой гвардии", "Бега", "Зойкиной квартиры" множество ряженых, сменивших лица и фамилии, выпавших из привычного русла устойчивости быта, играющих новые и всегда нелепые, потому что чужие, роли (*"Какой позор! Патриарх и все князья церкви идут на поклон в Кремль!"*). Подобное переодевание, ставшее нормой жизни, захватило и писателей. Апокалиптическое веселье их приводит в бешенство Бунина, отмечающего в своих записках "новую литературную низость" - открытие в гнуснейшем кабаке какой-то "Музыкальной табакерки". "Идиот Полифемович" кажется самым подходящим именем для Маяковского, который изображен неким Асмодеем нового времени со страшной способностью заражать толпу буффонными страстями (*"все ни с того ни с сего заорали, стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать и хрюкать"*). "Изломан и восторжен Горький" - в унисон с этим смотрятся страницы булгаковского романа о знаменитом театре "Лиловый негр" и величественном клубе "Прах", кафе "Максим" и новых театрах миниатюр, где *"кричались и смешили народ все наиболее известные актеры, слетевшиеся из двух столиц"*.

Обращает на себя сатирическое внимание Бунина и Булгакова "сумасшедшая по своей бестолковости и горячке имитация какого-то будто бы нового строя, нового чина и даже парада жизни". В "Окаянных днях" постоянно подмечается странная, по карнавалному нелепая ритуальность новых праздников и мероприятий вроде "комедии похорон на Марсовом поле (мертвые *"заколочены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых!"*). Карнавальные образы "веселой смерти", празднично обставленной, соседствуют с гомерически безобразными сценами убийства.

Булгаков писал об игрушечных королях истории, изобразив в мистических и карнавалльно-игровых красках и Петлюру, и Гетмана; Бунин ввел в этот травестийный ряд и сакральные имена новой мифологии. Ленин назван им не только *"площадным шутом"*, но и *"рыжей скуластой шельмой"*, а *"кукольное"*, *"ангельское"* лицо Коллонтай вольно соотнесено с выводами уголовной антропологии.

Образ всеобъемлющей "разрухи", о которой так выразительно сказано в повести М.Булгакова, явлен И.Буниным во множестве поистине карнавальных эпизодов, саркастически фиксируемых им.

Библейские пророчества вспоминают оба автора, размышляя о русской революции. Одно из них поразительно сближает их представления: не только показательной "меной местами": "Честь унижится, а низость возрастет... В дом разврата превратятся общественные сборища... И лицо поколения будет собачье", - Бунин выписал эту библейскую строку, Булгаков же развернул ее смысл в карнавальном сюжете увенчания-развенчания шутовского короля в своей повести "Собачье сердце".

Поражающая своей странностью карнавализованная картина мира, изображенная писателями, не только усиливала ощущение трагизма происшедшего - она была и своеобразным способом эстетического противостояния случившемуся. У Бунина сама идея карнавала носила мрачный характер, Булгаков творчески развивал ее как один из вариантов "комического наведения порядка".

А.Д.Хуторянская

МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗАХ В.ШУКШИНА

В художественном мире В.Шукшина можно условно выделить пространство материальное и пространство духовное как составляющие целостной пространственной организации рассказов. Материальное пространство существует в таких конкретных формах, как предельно широкое и открытое природное пространство и вписанное в него локальное пространство города и деревни. Человек в мире В.Шукшина неизменно соотносится с материальным пространством, которое может быть созвучно или не созвучно ему. Герой писателя (чаще всего деревенский житель или выходец из деревни) легко и естественно чувствует себя в открытом пространстве природного мира и таком же открытом, почти слитом с ним пространстве деревни. Город же описывается как пространство перегородженное, ограниченное всевозможными барье-